

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

I. [35 баллов] ПЕРЕВОД С РУССКОГО НА РУССКИЙ.

Текст одного из известных русских стихотворений был переведён компьютером последовательно на несколько языков, а затем обратно на русский. Перед вами отредактированный вариант этого «перевода». Прочитайте его, выполните задания.

*Тащился по пустыне в депрессии я злой,
Как вдруг крылатый ангел возник передо мной.
Он пальчиком небрежно у глаз моих провёл,
И стал я видеть лучше, чем пуганный орёл.
К ушам он прикоснулся – и я услышал тут,
Как ангелы летают, как стебельки растут
В долине постепенно, как небеса дрожат,
Как рыбы в океане на промысел спешат.
И он разжал мне губы и выдрал мой язык,
Который пустословить и злобствовать привык.
Я онемел, но ангел мне губы растянул
И в рот гадючье жало рукой в крови ввернул.
Затем меча ударом грудины мне рассёк
И вставил вместо сердца горящий уголёк...*

1. [10 баллов] Узнайте оригинал. Напишите «переведённый» фрагмент стихотворения в оригинале. Укажите имя автора и название стихотворения.
2. [10 баллов] Отметьте формальные (количество строк, размер) и содержательные отличия «перевода» от оригинала.

Можете начертить таблицу по образцу, чтобы отличия были заметнее.

Оригинал	«Перевод»

3. [15 баллов] Удачен ли оказался «перевод»? Какой текст вам больше понравился? Напишите об этом в 5–7 предложениях. Подтвердите своё мнение примерами.

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 350–450 слов. Указание на объём условно, считать слова не нужно.

Вариант 1. Прозаический текст.

Василий Семёнович Гроссман (1905–1964)

ИЗ ОКНА АВТОБУСА

Автобус подали после завтрака к подъезду дома отдыха Академии наук.

На турбазе для поездки учёных выделили лучшего работника – образованного и умного человека.

Как приятен перед поездкой этот миг неподвижности – люди уселись, притихли, глядят на пыльные пальмы у входа в столовую, на местных франтов в чёрных костюмах, на городские часы, показывающие неизменно абсолютное время – шесть минут четвёртого.

Водитель оглянулся – все ли уселись. Его коричневые руки лежат на баранке.

Ну, поехали...

И вот мир открылся перед людьми: справа пустынное море – не то, оставшееся за спиной, море купальщиков и прогулочных катеров, а море без берега, море беды и войны, море рыбаков, боцманов и адмиралов.

А слева, среди пальм, бананов, среди мушмулы и магнолий, домики, обвитые виноградом, каменные заборы, огородики, и вдруг пустынные холмы, кусты, осыпанные красными ягодами шиповника, дикий хмель в голубоватом, туманном пуху, библейские кроткие овцы и дьяволы – козлы на жёлтых афро-азиатских осыпях – и снова сады, домики, чинары, хурма...

А справа одно лишь море.

И вот автобус круто сворачивает, дорога вьётся рядом с рекой, река вьётся в узкой долине, горы её зажали с двух сторон.

Как хороша эта дорога! Можно ли передать огромный размах земной высоты и земной глубины, это соединение: рвущийся вверх мёртвый гранит и мутный, зеленоватый сумрак в ущелье, застывшая тишина и рядом звон, плеск горной реки.

Каждый новый виток дороги открывает по-новому красоту мира. Нежный солнечный свет легко лежит на голубоватом асфальте, на полукруглой воде, скользящей по круглым камням. У каждого пятна света своя отдельная жизнь, со своим теплом, смыслом, формой.

И то ли постепенно, то ли вдруг, душа человека наполняется своим светом, ощущает самое себя, видит себя в этом мире с пустынным морем, с садами, с горным ущельем, с пятнами солнца; этот мир – она и не она, – она его видит, то ли не видит, она полна сама в себе покоя, мыслит и не мыслит, созревает глубины жизни и близоруко, слепо дремлет. Она не думает ни о чём, но она погружена в глубину бóльшую, чем та, в которую может проникнуть межзвёздный корабль.

Дивное состояние, подобное счастью ящерицы, дремлющей на горячем камне вблизи моря, кожей познающей солёное тепло воздуха, тень облаков. Мудрость, равная счастью паучка, застывшего на нити, протянутой между двумя травинками. Чувство познания жизненного чуда теми, кто ползает и летает.

Время от времени автобус останавливался, и Иван Петрович, экскурсовод, негромко, словно боясь помешать кому-то в горах, рассказывал о геологической истории абхазской земли, о первых древнейших поселениях людей.

Участники экскурсии спрашивали Ивана Петровича о множестве вещей – он рассказывал и о нравах горной форели, и о храмах шестого века, и о проекте горной электростанции, и о партизанах времён гражданской войны, об альпийской растительности, о бортничестве и овцеводстве.

Ивана Петровича чем-то тревожил один пожилой человек – во время остановок он стоял поодаль от всех и не слушал объяснений. Иван Петрович заметил, что все путешественники часто поглядывают на этого пожилого, неряшливого человека.

Экскурсовод спросил:

– Кто сей дядя?

Ему шепотом называли знаменитое имя. Ивану Петровичу стало приятно – исследователь сложнейших вопросов теоретической физики, создатель нового взгляда на происхождение вселенной участвует в его экскурсионной группе. В то же время ему было обидно: знаменитый учёный, в одной статье его называли великим мыслителем, не задавал Ивану Петровичу вопросов и, казалось, не слушал его объяснений.

Когда экскурсия вернулась в курортный городок, одна учёная женщина сказала:

– Поездка чудесно удалась, и в этом немалая заслуга нашего замечательного экскурсовода.

Все поддержали её.

– Надо написать отзыв, и все мы подпишем его! – предложил кто-то.

Через несколько дней Иван Петрович столкнулся на улице со знаменитым учёным. «Наверное, не узнает меня», – подумал Иван Петрович.

Но учёный подошёл к Ивану Петровичу и сказал:

– Я вас всей, всей душой благодарю.

– За что же? – удивился Иван Петрович. – Вы не задали мне ни единого вопроса и даже не слушали моих объяснений.

– Да, да, нет, нет, ну что вы, – сказал учёный. – Вы мне помогли ответить на самый важный вопрос. Ведь и я экскурсовод вот в этом автобусе, – и он показал на небо и землю, – и я был очень счастлив в этой поездке, как никогда в жизни. Но я не слушал ваших объяснений. Мы, экскурсоводы, не очень нужны. Мне даже показалось, что мы мешаем.

1961

Вариант 2. Поэтический текст.

Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1873)

ТУЧА

Темна и громадна, грозна и могуча
Пол небу несётся тяжёлая туча.
Порывистый ветер ей кудри клубит,
Врывается в грудь ей и, полный усилья,
Приняв её тяжесть на смелые крылья,
Её по пространству воздушному мчит.

Ничто не смущает разгульного хода;
Кругом беспредельный простор и свобода;
Вселенная вся с высоты ей видна;
Пред нею открыты лазурные бездны,
Сады херувимов и таинства звездны –
И что же? – Взгляните на тучу: черна,

Сурова, угрюма, – с нахмуренным ликом,
На мир она смотрит в молчании диком,
И грустно, и душно ей в небе родном,
И вид её гневный исполнен угрозы;
В свинцовых глазах её сомкнуты слёзы;
Меж рёбрами пламя, под мышцами гром.

Скитальца-поэта удел ей назначен:
Высок её путь, и свободен, и мрачен;
До срочной минуты всё стихло кругом,
Но вдруг – встрепнулись дозревшие силы:
Браздами просекли огнистые жилы,
И в крупных аккордах рассыпался гром.

И после уснувшей, утихнувшей бури
Живее сияние бездонной лазури,
Свежее дубравы зелёная сень,
Душистей дыханье и роз и яминов; –
И радугу пышно с плеча перекинув,
Нагнулся на запад ликующий день.

А туча, изринув и громы и пламя,
Уходит в лоскутьях, как ветхое знамя,
Как эти святые хоругви войны,
Измятые в схватке последнего боя,
Как честное рубище мужа-героя –
Изгнанника светлой родной стороны.

И вот, остальным разрешаясь ударом,
Подъемлется туча рдеющим паром,
Прозрачна, чуть зрима для слабых очей,
И к небу прильнув золотистым туманом,
Она исчезает в отлив багряном
При матовом свете закатных лучей.
(1843)

Максимальный балл за все выполненные задания – 75.